НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Издательство Томского университета
2021

16. *Моисеев А.М.* Краеведческие музеи за 50 лет // История СССР. М., 1967. № 6. С. 189–209.

17. *Веденин Ю.А.* Роль музеев в сохранении культурного и природного наследия в России // Источниковедение и краеведение в культуре России: сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта историка архивному институту. М., 2000. С. 235–240.

18. *Сундиева А.А.* Гносеологическое значение музеев в культуре (к постановке проблемы) // Источниковедение и краеведение в культуре России: сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта историка архивному институту. М., 2000. С. 240–241.

19. *Черняк Э.И.* Университетские музеи и проблемы актуализации культурного наследия // Музеи университетов Евразийской ассоциации и их роль в сохранении культурного наследия: материалы II Международной научно-методической конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 3–9.

20. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П. М.: Русский язык, 1990. 555 с.

21. *Лихачев Д.С.* Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. 608 с.

22. *Дмитриенко Н.М.* Музееведческое наследие в системе ценностей культурного наследия // Музееведческое наследие Северной Азии. Вып. 1: Труды музееведов 1920-х гг. / Э.И. Черняк, Н.М. Дмитриенко, И.А. Сизова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 184 с.

Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк, И.С. Караченцев МУЗЕЙ – КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ МУЗЕЕВЕДИНИЯ*

В изучении и развитии музееведения как комплекса научных знаний о музейном деле важнейшее значение принадлежит толкованию, научной идентификации понятия «музей». Эту задачу не раз ставили перед собой исследователи XIX–XX вв., однако научно выверенные положения нередко сопровождали недо-стоверность и легендарность. Обращение к толкованию термина «музей» дает следующие данные: в 1845 г. в карманном словаре иностранных слов говорилось: «Музеум или музей, первоначально так назывался храм или грот, посвященный музам... В позднейшие

* Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2019. № 37. С. 189–202.

времена под музеем стали понимать вообще собрание редких и любопытных предметов по всем отраслям естественной истории или искусств...» [1. С. 204]. Авторы энциклопедического словаря, изданного в 1854 г., истолковывали музей как «место, посвященное музам, храм муз, университет, академия, библиотека...». Кроме того, вполне справедливо добавляли, что «в новейшее время слово музей означает собрание древних сокровищ искусств, статей барельефов, драгоценных камней, монет, картин и замечательных древностей...» [2. С. 282]. Наиболее точное объяснение слову приводил В.И. Даль в «Словаре русского языка», первое издание которого вышло в 1863–1866 гг.: «Музеум или музей – собрание редкостей или замечательных предметов по какой-либо отрасли наук и искусств; здание для этого; хранилище, сокровище» [3. С. 357]. Также, без всякого упоминания о музах и их святилищах, авторы этимологического словаря, изданного в 1896 г., сообщали, что музей – хранилище художественных ценностей и научных сокровищ [4. С. 566]. Однако с конца XIX в. и до начала XXI в. музей уже без всяких сомнений и оговорок связывается исключительно с музами [5. С. 112; 6. С. 382; 7. С. 84]. Более того, в статье о музее, помещенной в «Российской музейной энциклопедии», утверждается, что «прообразом музейного отношения к действительности можно считать... храм как специально организованную предметно-пространственную среду...» [8. С. 395].

В стремлении изменить сложившуюся ситуацию и проследить формирование научного понятия «музей» мы обратились к этимологии слова музей и прежде всего сосредоточились на работах, авторы которых указывают, что архетип музея не храм муз, а музейон [9. С. 214–218]. В частности, в древнегреческо-русском словаре сообщается, что первый музейон – Μουσείον – представлял собой философскую школу с книгохранилищем близ афинского Акрополя. А самым известным в истории был Александрийский музейон, созданный учеником Аристотеля Деметрием Фалерским [10. С. 1111; 11. С. 124–125]. Само название этого учреждения Μουσείον включает корневое слово μουσα с добавлением к нему суффикса εῖον (с помощью которого возникло словообразование – место от/для μουσα). Согласно словарям греческого языка, μουσα имеет много значений, например речь, слова, а также

искусство, поэзия (именно поэтому богинь-покровительниц искусств именовали музами). Для нас же особенно важны такие значения *μουσα*, как образование, ученость, просвещенность. Именно так, по современным сведениям, толковал слово *μουσα* великий греческий философ Платон. А в греческо-русском словаре, изданном в 1894 г., слово *μουσα* (по латыни – *mousa*) переводилось как наука, высшее образование, искусство, музыка, пение. В этом словаре приводится и слово *Μουσῆϊον*, которое толкуется как храм муз, храм поэзии, искусства, науки или просто музей [10. С. 1111; 12. Стб. 827–828].

Подлинное значение слова *Μουσῆϊον* подтверждается и многими сохранившимися сведениями об Александрийском мусейоне, который был создан в Египте в царствование Птолемея II Филадельфуса в III в. до нашей эры. В продолжение нескольких столетий Александрийский мусейон был главным научным центром античного мира, средоточием знаний в области математики, географии, астрономии, медицины. Богатейшая библиотека, а также различные памятники культуры народов Средиземноморья, анатомический кабинет, ботанический и зоологический сады обеспечивали научное познание через опытное восприятие [11. С. 124–125]. По данным английского исследователя Д. Мюррея, опиравшегося на сведения греческого географа и путешественника Страбона, который бывал в Александрийском мусейоне и оставил заметки о нем, он предназначался для исследований, а также для обучения студентов. Александрийский мусейон занимал часть обширного дворца, окруженного крытой аркадой, включал помещение для публичных лекций и большой общий зал. Мусейон получал поддержку богатых горожан, а позже и римских императоров [13. Р. 1–2].

Вполне резонно предположить, что деятельность Александрийского мусейона способствовала формированию частных собраний. Так, в Риме в продолжение двух с лишним столетий (II в. до нашей эры – начало I в. нашей эры) формировались коллекции Суллы, Гая Вереса, Сервилия, Цезаря и Августа, в которых были собраны многочисленные статуи, скульптурные портреты, драгоценные ткани, книги, частично вывезенные из завоеванных греческих городов, частично воспроизведенные римлянами по греческим оригиналам, а также памятники природы, например

костные останки и др. curiosities (редкости, раритеты). Российские авторы называли эти собрания галереями, Д. Мюррей, со ссылкой на Плиния, обозначал их как dactyliotheca (в переводе с латинского – ларчик, коллекция перстней с печатями) [5. С. 112; 13. Р. 3–4].

Известно, что Александрийский музейон был разгромлен в 272/273 г. по распоряжению римского императора Аврелиана, покаравшего взбунтовавшихся жителей города Александрии. Некоторое время спустя музейон был восстановлен и использовался по своему назначению в продолжение последующих столетий, однако в 630 г. арабские завоеватели захватили и разграбили Александрию и уничтожили все культурные учреждения, в их числе музейон [14. С. 870–871]. Но и тогда, судя по сохранившимся данным, музейные и книжные собрания не погибли окончательно. Дело в том, что ко времени нашествия арабских кочевников в Александрию единой Римской империи уже не существовало, в 395 г. она распалась на западную и восточную части, ставшие самостоятельными государствами. Так появилась Восточная Римская, или Ромейская, империя, ныне известная как Византия (получившая такое название уже после захвата ее владений турками в 1453 г.). Именно это государственное образование, по авторитетному мнению английской исследовательницы Дж. Херрин, сохранило культурное наследие античного мира и обеспечило преемственность его науки и культуры в средневековой Европе [15. С. 11].

Нужно особо подчеркнуть, что эллинская культура и греческий язык имели приоритетное значение в Византии, где была сохранена и усовершенствована система образования и научных исследований, сложившаяся в эпоху античности. Центром науки и образования в Византии стал Константинополь, точнее – дворец императоров, в котором была устроена «внушительная библиотека» (не из Александрийского ли музейона?), организовано копирование старинных греческих манускриптов. Во дворце использовались технические разработки греческих и римских ученых, например, водяные часы, астрономические приборы, предсказывавшие затмения, и более всего впечатлявший иноземных гостей императорский трон, перемещавшийся вверх и вниз с помощью гидравлики (по принципу, разработанному в Александрийском музейоне). Императорский комплекс – дворец и ипподром – был

украшен статуями языческих богов, доставленными из греческих и римских городов, фигурами фантастически животных, например рычащими золотыми львами, поющими золотыми птицами. Недаром Дж. Херрен сравнивает все это с музеем под открытым небом [15. С. 49–51]. А российский музеевед Ф.И. Шмит называл Константинополь «сплошным музеем» [16. С. 9].

Важно, что в Византии сохранились и окрепли традиции собирательства, использование памятников природы и истории в научных исследованиях, в познании мира. Влиятельные научно-культурные центры формировались вокруг христианских обителей в Александрии, Иерусалиме, на горе Афон. Монахи, церковнослужители, сами византийские императоры и их приближенные собирали и хранили христианские рукописи, иконы, но в большей мере – древнегреческие скульптуры, рукописные книги, анатомические препараты и другие артефакты, созданные в предшествовавшую эпоху. Античные знания в области медицины, математики, физики, астрономии, логики определяли развитие византийской науки, опиравшейся на труды Архимеда, Плутарха, Аристотеля, Страбона, александрийского математика Диафанта. Нужно подчеркнуть мысль Дж. Херрин, что, читая и переписывая труды древнегреческих авторов (а позже и переводя их на латинский язык), образованные жители Византии таким образом сохранили их для потомков, внесли серьезный вклад в науку и культуру эпохи Возрождения [15. С. 158–159, 372]. И хотя византийские ученые испытывали сильнейшее давление со стороны христианской догматики, тем не менее есть свидетельства, что Михаил Пселл, Иоанн Итал, Георг Плифон, современники которого именовали его «вторым Платоном», сохраняли интерес к сформулированным греками канонам чувственного восприятия окружающей действительности [17. С. 626–629]. И, добавим, – к использованию опыта Александрийского мусейона и сохранению его словесного обозначения. Самый известный из византийских ученых Михаил Пселл, человек энциклопедических знаний, подобно своим античным предшественникам занимался историей, философией, математикой, астрономией, а также алхимией и астрологией. Важно замечание Дж. Херрин, что в подготовке исторических трудов Пселл использовал собственные наблюдения и лично участвовал в описываемых им событиях. И цитату из манускрипта Пселла,

изданного в Лондоне в 1966 г., которая приведена Дж. Херрин, можно рассматривать как первый опыт визуализации истории, как первое приближение к музееведческому отношению к действительности. Так, император Константин X был охарактеризован Пселлом следующим образом: «Он не думал об одежде и повсюду ходил словно деревенщина. Красивые женщины, конечно, подчеркивают свою красоту, одеваясь в простые одежды: вуаль, с помощью которой они ее прячут, служит только для того чтобы сделать очевиднее ее лучезарную красоту, а небрежное платье почти также эффектно, когда они его надевают, как самый тщательный грим. Так было и с Константином. Одежда, которую он небрежно набрасывал на себя, не скрывала его внешности, а делала ее более яркой» [15. С. 264–265].

Установление торговых, культурных и церковно-религиозных связей Русского государства и Византийской империи оказывало сильнейшее влияние на русских. Тут уместно привести цитату из историографического труда В.С. Иконникова, который писал: «Таковыми пунктами [влияния] являются в истории древнего русского просвещения преимущественно Константинополь и Афон, имевшие вообще, по своим книжным сокровищам, большое значение в истории европейского образования в исходе Средних веков и в эпоху Возрождения» [18. С. 1529].

Об «умственном влиянии» византийских монахов, особенно из Александрии и Афона, сообщалось в первом в России музееведческом исследовании И.Г. Бакмейстера, который утверждал, с опорой на русские летописи, что греческий язык и греческие книги были весьма распространены среди русских, начиная с IX–X вв. Самый известный среди русских летописцев Нестор ссылаясь на греческого историка Геродота, а в Патриаршей библиотеке в Москве (преобразованной впоследствии в Синодальную и переведенную в Петербург) хранились греческие манускрипты – Новый Завет (переписанный в VII–VIII вв.), сочинения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста [19. С. 16, 100]. Вместе с этими сочинениями на Русь проникали традиции собирания и сохранения памятников старины. Киевский князь Владимир Мономах, прозванный так в память о своем родстве с византийским императором Константином IX Мономахом, получил от византийских правителей «такие сокровища,

наким во все времена будут удивляться», как об этом сообщалось в описях Оружейной палаты начала XVII в. Самый известный из этих даров – корона Мономаха большого наряда: «Это шапка, весьма похожая на скуфью, только с острой верхушкой; подбита шелковой материей и внизу имеет род околыша, кажется бобрового, шириною в $\frac{1}{2}$ вершка, на верхушке золотой крест. Высота с крестом $5\frac{1}{2}$ вершка. В диаметре $4\frac{1}{2}$ вершка. Она сделана из золота, сканой греческой работы, украшением оной служат крупные отличной воды 4 яхонта, 3 лала, 4 изумруда и 32 бурмитских зерна». (Допуская легендарность сведений о «шапке Мономаха» как императорском даре, современные исследователи не отрицают византийского происхождения некоторых фрагментов, из которых она была собрана.) Сохранилась также легенда о том, что киевская княгиня Ольга, принявшая в середине X в. крещение в Константинополе, привезла в Киев малую корону Мономаха, а также золотой скипетр [20. С. 9, 13–14]. Думается, что вместе с книгами и другими раритетами, привозимыми из византийских городов и монастырей, русские читатели, знавшие греческий язык, могли получить сведения о мусейоне, или музее, и само это слово могло проникнуть в русскую культуру.

Что касается Западной Римской империи, то в конце V в., после завоевания ее северных земель германцами и южных – арабами, она была разграблена и исчезла как самостоятельное государственное образование. На ее территориях создавались так называемые варварские королевства, позже сформировались Франкское государство, германские княжества и итальянские герцогства, а также города-республики Венеция, Флоренция и др. Со временем укреплялись экономические и культурные связи создававшихся государств с Византией, в западных городах и монастырях собирались и сохранялись памятники старины и искусства. Известно, например, что в IX в. венецианский дож Орсеоло подарил византийскому императору коллекцию из 12 колоколов и получил в ответ византийские шелка [15. С. 237]. (Распространению византийских культурных ценностей в Европе способствовали и военные набеги, в частности разграбление Константинополя участниками 4-го крестового похода. По свидетельству Дж. Херрен, в западноевропейских сокровищницах до сих пор хранятся византийские раритеты, доставленные

в начале XIII в.) В последующие столетия культурное влияние Византии на европейские державы сохранялось и усиливалось, были начаты переводы некоторых греческих текстов на латынь. Они с интересом воспринимались в первых европейских университетах и нарождавшихся музейно-культурных центрах – в Париже, Вене, Риме, Венеции, Равенне. Это влияние еще более усилилось после того, как в 1453 г. Константинополь оказался захвачен турками, и многие образованные византийцы бежали в Венецию и другие города, где встречали доброжелательный прием и поддержку. Так в Европе оказались многие рукописные труды античных авторов, новые знания и артефакты, которые поддерживали и формировали интерес к античности, реализовавшийся в числе прочего и в коллекционировании образцов древнегреческой культуры. Под влиянием византийского философа Георга Плифона, который читал лекции о Платоне и платонизме, купец Козимо Медичи основал во Флоренции в 1460 г. Платоновскую академию. В ней собирались редкие рукописи, получаемые в основном (по сведениям В.С. Иконникова) из афонских монастырей. Начатое Козимо продолжил его внук Лоренцо Медичи, он окружил себя писателями и художниками, находил через агентов античные рукописи, организовал их копирование и распространение по европейским культурным центрам. Кроме того, Лоренцо собирал древности, медали и картины, положив начало музейному хранилищу, известному ныне как Галерея Уффици. Сын Лоренцо, Джованни Медичи, ставший впоследствии папой Львом X, также занимался собирательством, положил основание Ватиканской пинакотеке. Характерно, что в литературе оба эти хранилища, основанные Медичи, признаются первыми европейскими музеями [5. С. 112; 21. С. 28–30].

Явно под влиянием византийских ученых и их европейских последователей была осознана потребность опытного познания окружающей действительности. На рубеже XV–XVI вв. великий художник и мыслитель Леонардо да Винчи (между прочим, один из тех, кто в молодости окружал Лоренцо Медичи) выражал эту потребность так: «Пусты и полны заблуждений те науки, которые не порождены опытом, отцом всякой достоверности, и не завершаются в наглядном опыте...» [22. С.85]. Изучение природы и истории потребовало собирания коллекций, формирования

особых хранилищ памятников природы и истории, подобных Александрийскому мусейону.

Первоначально, как это известно из обращений исследователей к опыту коллекционирования и создания первых музейных хранилищ в Европе, они получали самые разные наименования. По сведениям английского автора Д. Мюррея, в XVII–XVIII вв. музейные учреждения именовались в Англии как сокровищницы или хранилища (*Thesaurus Fossilium, Repository*), в других европейских государствах использовались термины *Dactyliothesca, Cimeliothesca, Rarotehca, Technicothesca Regia, Kunst- und Naturalien-Kammer* [13. Р. 34–35]. Отправленный Петром I в Европу для приобретения и доставки в Россию различных коллекций И.Д. Шумахер сообщал, что в 1721 г. посетил и осмотрел кабинет «разных натуралиев», янтарный кабинет, музей доктора Бреина, Берлинский музей, королевский монетный кабинет, камеру антиквитетов, или антиквитет-камеру, казенную королевскую камеру, музей господина Андерсона, кунст-камеру, натуралиев камеру, кабинет живописных вещей, монетный кабинет, галерею живописных вещей, королевскую натуралиев и анатомическую камеру, кабинет медалей, медицинский огород. Судя по контексту, Шумахер описывал и коллекции, называя их кабинетами, и учреждения, в которых собирались и хранились памятники природы, истории, искусства, – камеры и музеумы [23. С. 546–553]. Такие разноречивые наименования сохранялись в Европе и во время путешествия Н.М. Карамзина по Европе в 1789 г. Он объехал германские государства, Швейцарию, Францию и, используя принятые в то время названия музейных хранилищ, писал о зверинцах, оранжереях и ботанических садах, упоминал частные коллекции, кабинеты, собрания древностей в городских библиотеках и университетах, а также арсеналы, художественные галереи. И только музейное хранилище в Лондоне он обозначил как Британский музей [24. С. 60–61].

Считаем возможным говорить, что термин *museum* зародился в эпоху Раннего Возрождения (Кватроченто), когда в европейской науке господствовала латынь. Выражаясь современным языком, была проведена транслитерация греческого слова *μουσα*, обозначающего, как отмечалось, науку и искусство, и появилось латинское слово *musae*, которое переводилось как словесные

науки. Судя по имеющимся в литературе данным, в Европе первоначально использовалось слово *museum* или *muse(i)um*, постепенно превратившееся в *museum*, которое в середине XIX в. трактовалось как жилище муз, а также как академия, кабинет, библиотека и, что особенно важно, – хранилище художественных и научных сокровищ [13. Р. 34; 25. С. 249–250; 26. С. 217]. В наши дни термин *museum* применяется в Европе и Северной Америке повсеместно.

В России разногласия в обозначении хранилищ памятников природы и культуры сохранялись в продолжение многих десятилетий. Упомянутый уже И.Д. Шумахер в поездке по Европе в 1721–1722 гг. так понимал свою задачу: «Музея ученых людей, как публичные, так и приватные, посещать и из того усматривать, в чем вашего императорского величества музей с оными разнится, ежели же чего в музее вашего величества не обретается, (то) оный недостаток наполнить тщится или хотя советовать, как оный недостаток наполниться может». И добавлял, что «в посещении музеев времени, труда и убытков не жалел...» [23. С. 534, 546]. Та же двойственность обозначения музейных хранилищ сохранялась в России в первой трети XIX в.: в изданном в 1804 г. энциклопедическом словаре были помещены две статьи-отсылки «Музеон, зри музей» и «Музеум, зри музей». И далее опубликована большая статья «Музей» с уточнениями в скобках – «музеум, лат., музеон, гр.» [14. Стб. 869–871]. Возможно, под влиянием авторов «Словотолкователя» в изданной в 1807 г. книге об Оружейной палате она была названа «древним российским музеем», однако одновременно в этом труде встречается и обозначение ее как музеума [27. Паг. 2, с. 1]. А в издании 1835 г. Оружейная палата именуется уже музеумом без какого-либо уточнения [20. С. 9]. Слово музеум употребляется и в личной переписке россиян. Так, в письмах А.И. Тургенева, отправленных из Геттингена в 1802 г., он сообщал о посещении им музеума. О музеуме писал в одном из писем 1804 г некий К.П. Шаликов [28. Паг. 2, с. 17; 29. С. 260]. Точно так же в 1825 г. в письмах Н.М. Карамзина встречается упоминание о Хвостовском музеуме [30. С. 404]. И наконец в июне 1862 г. было Высочайше утверждено «в виде опыта» Положение о Московском публичном музеуме и Румянцевском музеуме [31. С. 280].

Но в то же примерно время, точнее зимой 1823/24 г., московский автор Алексей Мартос совершил длительную поездку по Восточной Сибири и в числе ее достопримечательностей описал Иркутскую гимназию и работавший в ней музей (а не музейем, как утверждают некоторые современные авторы) в составе минералогического и раковинного кабинетов, собрания книг на русском и иностранных языках, библиотеки и этнографических коллекций [32. С. 173–174]. В официальных документах, в частности в Университетском уставе 1835 г., а затем и в Уставе 1863 г. также использовалось слово музей. Судя по всему, во второй половине XIX в. латинизированный термин музейем вышел из употребления и уступил место музею. Считаем, что с установлением терминологического единства происходило упорядочение музейных знаний, укреплялась значимость методологического аппарата музейного дела, потребовалась разработка научного понятия музея.

Нужно заметить, что опыт научной идентификации музея формировался в первой половине XIX в., когда в некоторых упоминаемых уже энциклопедических и словарных статьях, в первых музейных проектах музейные учреждения трактовались как собрания или хранилища предметов, пригодных, по мысли Ф.П. Аделунга, «для скорого и легкого обозрения протекших событий и настоящего положения государства» [33. С. 171–172]. О роли музея в жизни общества размышлял профессор В.М. Флоринский, автор «Проекта публичного историко-этнографического музея при Казанском обществе археологии, истории и этнографии», подготовленного им в 1878 г.: «Сохранение для истории следов человеческой жизни есть потребность и обязанность всякой образованной нации. С целью разыскать и разгадать эти следы прошедшего и увековечить для потомства быстро изменяющиеся формы народного быта существуют отдельные науки, созидаются обширные музеи, жертвуются значительные средства и сотни просвещенных людей в каждой образованной стране трудятся на этом поприще. Археология, нумизматика, история наук и искусств, этнография, общественные книгохранилища и многочисленные исторические музеи – суть выражения одной и той же идеи – сохранить в человеческой памяти следы прежней жизни» [34. С. 8].

Научное представление о музее, по нашему мнению, было сформулировано в лекции Д.А. Клеменца, прочитанной им

в 1892 г. в Кяхте. Используя современную публикацию лекции, приводим данное Клеменцом определение музея как «систематического собрания произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов». Как видим, в этой дефиниции учтены ведущие функции музея – собирание, систематизация, изучение и показ памятников природы и культуры. При этом Д.А. Клеменц особо подчеркивал роль музея как «орудия опытных наук», как центра просвещения и в подтверждение этого обращался к истории музейного дела Европы, рассказывал о сибирских музеях XIX в. Первым среди российских музеевдов он объединил под крышей музея все памятники природы и истории, называя их «мертвыми и живыми предметами». Характерно, что в завершение своей лекции, прочитанной в пользу создания музея в Кяхте, Д.А. Клеменц высказал провидческую мысль о возрастании социокультурной роли музея: «Оказав громадную услугу русской торговле в прошлом, Кяхта, основав музей, окажет ее и далекому будущему, ее практическое знание Китая не пропадет бесследно, а послужит на пользу грядущим поколениям, русской жизни и русской науке. По ее музею, как по живой книге, будут знакомиться с Китаем и Монголией русские люди и в потомстве будет обеспечена благодарная память его основателям» [34. С. 112, 133–138, 141].

Идеи Клеменца о научном и общественном значении музея были подхвачены его современниками и коллегами. Так, в выступлении на заседании Русского географического общества в марте 1917 г. Н.М. Могилянский говорил о том, что долгое время к музеям относились как к собранию раритетов и диковин, предназначенному «для удовлетворения столько же любопытства, сколько и любознательности». Не умаляя и такой роли музея, Могилянский подчеркивал, как «постепенно и медленно, путем длинного жизненного опыта, создалось то своеобразное, необходимое учреждение нашей культурной эволюции, которое мы называем музеем...». Указывая на ведущие функции музея – собирать, хранить, изучать, Н.М. Могилянский утверждал: «Музей является не только хранителем, но и собирателем, регистратором научного материала, и, как таковому, ему принадлежит, несомненно, важная и ответственная роль в научной работе. Являясь,

с другой стороны, популяризатором знаний в широкой среде неспециалистов науки, музей учит общество ценить и понимать смысл тех кажущихся обиходными, привычными предметов, которым мы не склонны придавать какое-нибудь значение, – так близкими и знакомыми нам являются они в повседневной жизни – вместе с тем пробуждает в широкой среде общественное самосознание, сознательную любовь к окружающему, к своей малой провинциальной родине, затем к своему отечеству и более широкое, наконец, мировое чувство человечности» [35. С. 305–307].

Высокое культурное предназначение музея, его общественная значимость послужили главным доводом в пользу подчинения музейной работы решению государственных задач, а именно, включения музеев «в общее русло политико-просветительных учреждений», установления «формы музея как части политпросветкомбината» [36. С. 666]. На 1-м Всероссийском музейном съезде в декабре 1930 г. были предприняты попытки корректировать понятие музея и таким образом изменить его роль в жизни общества. Именно такую задачу ставил перед участниками съезда нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов: «Музей должен быть одним из инструментов культурной революции. Музей должен быть наглядным показателем и пропагандистом величайшей научной ценности принципов диалектического материализма, а для этого он должен быть организован на основе этих принципов». Нарком призывал «к коренной перестройке музейной сети и музейной работы в целях всестороннего обслуживания потребностей массовой политико-просветительной работы среди миллионов трудящихся...». Требовал поставить музеи «на службу классовой борьбе пролетариата и победоносному продвижению вперед социализма» [37. С. 4, 6].

Ценой невосполнимых человеческих жертв и материальных потерь удалось все же несколько изменить ситуацию, и в середине 1950-х гг. было сформулировано новое понимание музейной работы: «В Советском государстве музеи являются основными государственными хранилищами памятников культуры – предметов уникальных, редких, чем-либо выдающихся или типичных для своего времени и места; в музеях также хранятся образцы естественных богатств нашей страны и другие предметы, в которых находит отражение история природы. По содержанию

своей деятельности советские музеи являются одновременно научно-исследовательскими и научно-просветительными учреждениями» [38. С. 11].

В последующее полу столетие трудами ведущего российско-го музееведа А.М. Разгона и его коллег была выполнена, говоря словами нынешних исследователей, грандиозная задача обновления методологического инструментария музееведения, выявлена основополагающая сущность музейного предмета, определены важнейшие составляющие музейного дела [39. С. 72–73]. С опорой на достижения предшественников современными музееведами выработано научное понятие музея как «исторически обусловленного многофункционального института социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение» [8. С. 395]. Концепт этого понятия отражает историчность музейного развития, характеризует функции, которые определяют основные направления деятельности и структуру музея, обеспечивают научное документирование окружающей действительности. Впервые в изучении феномена музея выявляется его роль в актуализации культурного наследия и тем самым обосновывается его цивилизационная значимость, намечается решение проблемы происхождения. Как следствие, понятие «музей», отражающее сущностные характеристики музейной деятельности, становится ключевым, определяет предмет музееведческих исследований, освещает природу музееведческих знаний, формирует системно-целостное представление о музейном деле.

Источники и литература

1. Музеум или музей // Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. СПб., 1845. Вып. 1. С. 204–205.
2. Справочный энциклопедический словарь / ред. А. Старчевский. СПб., 1854. Т. 8. 507 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. М.: Русский язык, 1989. 781 с.

4. *Этимологический словарь русского языка* / сост. А. Преображенский. М., 1914. Вып. 8: Минея – Нуда. С. 537–616.
5. [Рудаков В.Е.] *Музеи* // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Бронгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 20. С. 112–122.
6. *Словарь иностранных слов*. М.: ОГИЗ, 1937. 724 с.
7. *Разгон А.М. Музей* // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 17. С. 84–86.
8. *Каулен М.Е., Мавлеев Е.В. Музей* // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. Т. 1. С. 395–396.
9. *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И., Караченцев И.С. Храм муз или очаг науки: к этимологии слова музей* // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 214–218.
10. *Древнегреческий русский словарь* / сост. И.Х. Дворецкий; ред. С.И. Соболевский. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1904 с.
11. *Обнорский Н. Музей Александрийский* // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Бронгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 20. С. 124–125.
12. *Греческо-русский словарь* / сост. А.Д. Вейсман. СПб., 1894. 4-е изд. VIII, 1370 стб., 28 с.
13. *Murray D. Museums. Their History and their Use*. Glasgow, 1904. Vol. 1. XI, 339 p.
14. *Музей* // Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту / при Императорской Академии наук. СПб, 1804. Ч. 2. С. 870–871.
15. *Херрин Дж. Византия. Удивительная жизнь средневековой империи* / пер. с англ. О.А. Игоревского. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015. 415 с.
16. *Шмит Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи: очерк истории и теории музейного дела*. Харьков, 1919. 103 с.
17. *Византийская философия: Михаил Пселл. Иоанн Итал* // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1: Философия древности и Средневековья. М., 1969. С. 626–629.
18. *Иконников В.С. Опыт русской историографии*. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. [1976 с.].
19. *Бакмейстер И.Г. Опыт о библиотеке и кабинете редностей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии наук* / пер. с франц. В. Костыгова. СПб., 1779. 191 с.
20. *Историческое описание Оружейной палаты, или Российский музей, с богатством первопрестольной нашей столицы Москвы, и описанием драгоценностей, хранящихся в оной с показанием, откуда, когда, какого года по какому случаю поступили в оную палату сии драгоценности*. Взято из достоверных источников. М., 1835. 77 с.
21. *Стендаль. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6: История живописи в Италии*. М.: Правда, 1959. 559 с.
22. *Философия эпохи Возрождения: Леонардо да Винчи* // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970. С. 85–88.

23. *Отчет*, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 годах: [публикация документа] // Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 533–558.
24. *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* Николай Михайлович Карамзин: у истоков изучения музейного дела в России // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 398. С. 55–63.
25. *Ручной латинско-русский словарь*, составленный по лексикону Кронеберга и другим главнейшим латинско-немецким словарям. М., 1849. 445 с.
26. *Горяев Н.В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. 4, 451, XL, LXII с.
27. [Валуев] Историческое описание древнего российского музея под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося. М., 1807. XLIV, 137 с.
28. *Архив братьев Тургеневых*. Вып. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода 1802–1804 гг. и письма его к А.С. Кайсарову и к братьям в Геттинген 1805–1811 гг. СПб., 1911. IV, 527 с.
29. *Шаликов П.И.* Другое путешествие в Малороссию. М., 1804. XII, 262 с.
30. *Письма* Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / изд. Я. Грот и П. Пекарский. СПб., 1866. 12, [2], 483, 214 с.
31. *Положение о Московском публичном музее и Румянцевском музее* / публ. И.В. Чувиловой // Музееведческая мысль в России XVIII–XX вехов: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 280–285.
32. *Мартос А.* Письма о Восточной Сибири. М., 1827. 291 с.
33. *Аделунг Ф.П.* Предложение об учреждении Русского национального музея / публ. И.В. Чувиловой // Музееведческая мысль в России XVIII–XX вехов: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 171–182.
34. *Музееведческое наследие Северной Азии*. Вып. 2: Труды музееведов последней трети XIX – первых десятилетий XX века / Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк, А.Д. Дементьев, И.А. Голев, С.Е. Григорьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 252 с.
35. *Могиланский Н.М.* Областной или местный музей как тип культурного учреждения: [отд. оттиск из журнала «Живая старина»]. Пг., 1917. С. 303–326.
36. *Резолюция* 1-го Всероссийского музейного съезда «Принципы и формы массовой политпросветработы в музее» // Музееведческая мысль в России XVIII–XX вехов: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 665–669.
37. *Бубнов А.* Приветствие и речь на 1-м музейном съезде (1–6 декабря 1930 г.). М.; Л., 1931. 22 с.
38. *Основы советского музееведения* / ред. кол.: П.И. Галкина, В.К. Гарданов, И.П. Иваницкий и др. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1955. 375 с.
39. *Дмитриенко Н.М., Бутенко М.А., Глухов В.С., Лозовая Л.А.* Российское музееведение 1930–2010-х гг.: опыт историографического изучения // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016. № 405. С. 70–81.